

* * *

Санный след – две чётких линии.
Жеребец, обросший инеем.
Снега хруст из-под копыт...
Я ещё никем не бит.
Я ещё сопля и небыль,
Я совсем не знаю неба,
Для меня весь мир – вожжа!
Для меня весь мир – в буланом
Да в отце, от горя пьяном...
Хлеба в доме – ни шиша!
Ни дровинки... Мёрзнут ноги.
По обочинам дороги
Сбитый косами бурьян.
Рваный Лог. В логу туман.
В небе солнце со столбами,
И оно как лампа в раме,
С неохотой глядя вниз,
Греет так, что весь я сиз,
Греет так, что над губою
Воздух шапкой голубою
Застывает на лету...
Шарю глазом пустоту:
Степь мертва. Как гроб.
Немая.
Я ещё не понимаю

3

В это утро, что меня
Жизнь лупцует в два ремня,
Что меня уже кружило,
Что во мне хрипела жила,
Что поможет это мне
Где-то там, в грядущем дне.

НА КОНЮШНЕ

Жеребца превращали в мерина.
Он лежал, тяжело дыша,
И сознание его не верило,
И не чувствовала душа,
Что уже мужики не балуют –
Сталь отточена и крепка! –
Что к другому уходит чалая,
Хоть и рядом стоит пока...
Он не верил, что мы – жестокие,
Он в ремнях сыромятных вяз,
И глазами, как ночь, глубокими,
Шею выгнув, смотрел на нас...

До чего ж эта правда грустная!
Как забрёл я в неё, пострел?
Сколько лет прошло – всё кляню себя,
Всё жалею – зачем смотрел...

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Глаза враскос, на шее – красный бант,
На груди – галстук, сам – синей, чем небо,
Сидит передо мною словно фронт,
Но я-то знаю, что таким он не был.

Он бурый был, с когтями и живой!
Умел легко ходить на задних лапах,
Ему понятен был малины запах
И щебетанье птиц над головой.

А как ревел! Шарахалось зверьё.
Тайги хозяин, ярый и косматый!
От лап его не раз бежал сохатый,
Вдыхая ночь распахнутой ноздрей.

Вблизи селений в ранние часы
Он появлялся откровенно смело,
И, хлебным соком наливая тело,
Под корень мял медовые овсы...

Но там, где речка свой смиряет бег,
Где бьёт малька таймень крутой волною,
В закатный час в кустах, на водопое
Его поймал на мушку человек.

Поймал... Погоревал... Поговорил...
Снял выкройку с его могучей туши,
И, зная геометрию, из плюша
Подобье для забавы сотворил.

Детишки, знаю, влюблены в него.
Детишкам что, детишкам интересно...
А мне вот жалко, я признаюсь честно,
Косматого и страшного – того.

ТЮМЕНЬ

Лучами фар просвечен лес –
Урюм, задумчив, осторожен.
Красавец лось лучом стреножен,
В зрачках – безумный интерес.

Космические блики глаз!
Казалось, он из бронзы вылит.
Его свинец пробил навывлет.
Лось рухнул в снег, и луч погас.

Ему и нам не повезло.
Нас четверо, и каждый молод.
Теперь нам был не страшен голод.
Как жутко это ремесло!

Кровь пахла, приторно свежа.
Мы страшное вершили дело,
Кромсая неживое тело
В четыре острые ножа...

Нас увозил тягач домой,
Висело небо тёмной грудой,
И окровавленное блюдо
Луны вставало за спиной.

Качался лес на вираже.
Мы не шумели, не кричали,
Мы зло курили и молчали,
И скверно было на душе.

* * *

Под напевы реки, у высокого края,
Где звезда по дуге упадает, сгорая,
Где кривой горизонт и берёзы кривы,
Я бродил пацаном, шалопаем бездомным,
Объяснялся в любви деревенским мадоннам
И на зорях литовкою столько травы

Повалил. Куликовое поле! Не меньше.
Чистотел ли, татарник... И было не лень же
Хороводиться ночь и мотаться в луга,
Чтобы вволю натешиться острою сталью,
Чтобы видеть потом журавлиную стаю –
Как летит, задевая крылами стога!..

Ой, стога! Высоки! До луны, до звезды!..
По утрам у коровы слюна из слюды
Повисает с губы, и пахучим настоем –
Молоком да прожаренной солнцем травой –
Как дохою, накроет меня с головой...
И припомнятся ночи с далёкой верстой,

И роса, и дышащий туманом Алей,
И высокие трубы седых журавлей,
И тугие отавы, и кони на броде...
Неужели всё это прошло, протекло,
И не склеить разбитое это стекло
Никому. И душа, словно кость к непогоде,

Так болит...

* * *

Луг росистый, луг белёсый,
Солнце брызжет под колёса –
Впереди двенадцать вёрст!
Не спеша везёт корова.
Подо мной мешок с половой.
Ни обиды и ни слёз.

Я привык два раза на день
(Что подделаешь, коль надо)
Совершать вот этот путь –
Через мост над речкой синей
Посреди страны России.
Мне бы только не заснуть.

Грай ворон над росным лугом –
Друг за другом, круг за кругом
Облетает вороньё
И кричит, не умолкая...
Песня верная какая
Про моё житьё-бытьё.

«Как!» да «как!» – висит над полем.
А никак! Совсем не больно,
Даже больше – красота!
Вон – корова, шаг отменный,
И рога как две антенны,
Жалко – музыка не та...

Я корову не ругаю,
Я корову понимаю,
Разговор с коровой прост:
Я вздохну – она вздыхает,
И шагает, и шагает
На зарю... Двенадцать верст.

...Выйдет батя на дорогу:
– Ну, поспели, слава богу...
И, неближний путь кляня,
Он меня с телеги ссадит,
Улыбнётся и погладит
И корову, и меня.

ПРОРОЧЕСТВО

Збóрят гнёзда. Здоровый мужик и ребёнок.
Разбрелись, между ними – шнурок-тетива,
И – по травам, как неводом. Утка спросонок
Обязательно вылетит – вот, голова! –
И гнездо обозначится... Тёплые яйца...

«Ты чему его учишь, скажи, борода?
Твой пацан к сорока перестанет смеяться,
Вот попомнишь...» – сказал и исчез навсегда.

Кто он был, этот Некто, из облака, что ли?
Из росы? Из тумана?.. Не всё ли равно –

Мужика уже нету. Распахано поле.
Да и уток все меньше. И сорок давно.

* * *

Испеки мне, родная, блинов,
Заварных, с золотистой коркой.
Положи их на тряпочку горкой
И меня позови – я приду.

Я приеду, примчусь, я смогу...
Если свяжут, связавшим на зависть
Выйду во поле, оземь ударюсь
И на крыльях к тебе прилечу.

Мы зажжём керосиновый свет.
Эта лампа всё детство не гасла...
Ты мне дашь для коровьего масла
Маховое перо крякаша.

Тем пером стану маслить блины.
Чай заварим малиновой плиткой
И услышим, как скрипнет калитка, –
Это сёстры придут на огонь.

Хватит места для всех за столом.
И бывшее войдёт из тумана –
Вспомним батю и вспомним Ивана:
Где они? Может, рядом стоят.

И почувствуем – рядом они.
Ощутим их дыханье плечами.
Ах, как часто я, мама, ночами
Их пытаю о нашей судьбе.

Все никак не умею понять:
Почему от родного порога
Разошлись мы по разным дорогам...
А семья-то какая была!

Испеки нам блинов, а когда
Ждать устанешь и лампа иссякнет,
Ты за наши заблудшие души
Помолись и свечу засвети.

